

Ошибка дверью «ДЕЖАВЮ» ДМИТРИЯ ХВОРОСТОВСКОГО И ИГОРЯ КРУТОГО В ЛЕДОВОМ разбирает Владимир Раннев

ЮРИЙ МАРЬКОВ/КОММЕРСАНТЪ

ИТАР-ТАСС

НА ВСЕХ АФИШАХ БОЛЬШИЕ МУЗЫКАНТЫ
ЗАПЕЧАТЛЕНЫ ВДВОЕМ, КАК БЫ
(ОФОРМЛЯЯ СОЮЗ АРИИ И ПЕСНИ.)
ВЕДЬ И ВПРЯМЬ ОПЕРЫ КОГДА-ТО НАПЕВАЛИ
НА УЛИЦАХ

НОВОСТЬ о совместном проекте оперного баритона с мировым именем Дмитрия Хворостовского и героя совсем другого романа, эстрадного композитора Игоря Крутого, просится скорее не на полосу культуры, а в какую-нибудь деловую жизнь. В отечественном шоу-бизнесе длится кризис перепроизводства юной, в шоколаде и позолоте, поющей бижутерии. Это течение сносит десяток грандов поп-сцены, обремененных вездесущностью и возрастом, в номинацию «но-стальжи» или «ретро». Образуется два запроса — на свежее и на настоящее (неподделное, не фабричное). Пятнадцать лет назад при аналогичных условиях выстрелил бизнес-план «золотой голос России»: карамельный Николай Басков оправдал ожидания продюсеров, и странно, что с тех пор никто из них не двинулся в том же направлении.

Тем свежее после долгого антракта смотрится второй акт отечественной поп-оперы. Ее главный герой — брутальный и рафинированный Дмитрий Хворостовский. Никакой карамели, на дворе сплош-

ная плотоядность, ее певец — человек, сам сделавший себя умом, голосом, статью. И умением, если что, поработать локтями.

Сила проекта с Крутым в том, что поп-артист не навязывает публике топ-артиста. Хворостовский — хозяин каждого спетого слова, каждого движения в клипе. Он — настоящий. Этот образ можно было бы считать иллюзией, если бы весь проект «Дежавю» был просто бизнесом, а «другой Хворостовский» — сконструированной продюсерской моделью. Но для певца эта затея — не только бизнес, ведь Хворостовский действительно не только такой, каким его привыкли видеть на оперной сцене или в филармоническом зале.

Словом, неплохо придумано. Но в России оперный олимп далеко отстоит от пантеона народных артистов. Чисто социологически. Здесь не Европа, где любовь к Анне Нетребко объединяет миллионы домохозяек и тысячи интеллектуалов (как было и с Марией Каллас, наследницей которой считают краснодарскую

приму); здесь ей поклоняется не слишком значительный фанклуб опероманов, а для остальных она — успешная, роскошная, но вряд ли любимая. Так было и раньше: Образцова, Козловский, Лемешев — герои параллельной жизни, смущающие обывателей чудными страстями, единственное исключение (да и оно мнимое) — Шаляпин. Любили его не за оперу, а за «Дубинушку» и «Очи черные».

Игорь Крутой написал двадцать пять песен, как раз на два отделения и два CD. На всех афишах большие музыканты запечатлены вдвоем, как бы оформляя союз арии и песни. Ведь и впрямь оперы когда-то напевали на улицах — так почему бы не организовать дежавю, не тряхнуть чужой стариной?

Союзники старались сделать «так же как» (на эстраде) и «не хуже чем» (в опере). Но так и не притерлись друг к другу. Мелодии Игоря Крутого, раскланиваясь оперному ариозному стилю, какие-то обмякшие, мотивно едва ли цепкие; на слуху не

остаются, в памяти не застревают. Для эстрадного жанра худой признак. А для крепкого оперного стиля они слишком прямолинейны и банальны. Оркестровое и хоровое звучание вылизано так, что не понятно, живой это звук или «идентичный натуральному» midi-заменитель; во всяком случае оркестр и хор нигде не упоминаются. Хворостовский то обаяет побернесовски, то отталкивает форсированным вокалом. Тексты песен Лилии Виноградовой тоже ни два ни полтора: тиражный поэт-песенник пререкается с велеречивым лириком, банальность — с либреттообразием.

Все сметано в костюм из райкинской репризы про ателье. «Необыкновенно новая мелодика» и «мастерски заточенное перо» — пиар-тексты это отдельная песня — такой же новодельный вырви-глаз, как, допустим, насмерть заревавированные архитектурные памятники обеих столиц. И если визуальная проектная документация (афиши, клипы, шоу) усердно живописует «настоящего баритона» без страха и упрека, то волшебное касание Игоря Крутого превращает его — положим, не в тыкву превращает, но во все ту же перепроизводственную бижутерию. С этой музыкой не въехать в народные любимцы, это не «Дубинушка» и не «Очи черные». Да, попса в России — единственная незаколоченная дверь в народное сердце, но Хворостовский ошибся дверью и попал в бухгалтерию.

Ледовый дворец, 13 ноября, 20.00